

С. С. Гречишкин

АРХИВ А. М. РЕМИЗОВА

1

Алексей Михайлович Ремизов (1877—1957) играл видную роль в литературном движении начала XX в. Его творчеством интересовались и поддерживали с ним личные отношения крупнейшие деятели русской культуры — М. Горький, Л. Н. Андреев, А. А. Блок, В. Я. Брюсов, А. Белый, И. А. Бупин, К. А. Сомов, М. В. Добужинский, Н. К. Рерих, В. Э. Мейерхольд, В. Ф. Комиссаржевская и др. В письме к В. А. Каверину от 15 января 1924 г. М. Горький отмечал, что «„словотворческая“ литература Ремизова» сыграла «свою очень значительную роль, обогатив русский словарь, сделав наш язык более гибким, живым».¹ Писательская манера Ремизова оказала определенное влияние на раннее творчество ряда советских писателей.

В 1921 г. Ремизов, уезжая за границу, откуда он уже не вернулся, разделил свой архив на две части, передав их в Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки (материалы до 1913 г., ф. 634) и в Рукописный отдел Пушкинского Дома (ф. 256). В последующие годы ремизовский фонд в Институте русской литературы АН СССР (ИРЛИ) был значительно расширен в связи с поступлением ценных материалов от Н. В. Кодрянской, Н. В. Резниковой, Б. В. Сосинского, В. П. Никитина, А. В. Храбровицкого и Б. Б. Бунич-Ремизова.

Не опубликованная целиком мемуарная книга Ремизова «Иверень»² содержит важный фактический материал, во многом изменяющий сложившееся представление о раннем этапе биографии писателя.

¹ Литературное наследство, т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М., 1963, с. 182.

² Согласно В. И. Далю, «иверень» означает «щепка, черепок, осколок» (Даль В. Толковый словарь, т. 2. М., 1935, с. 2—3). Далее ссылки на «Иверень» даются в тексте с указанием номера листа.

А. М. Ремизов родился 24 июня (6 июля) 1877 г. в Замошворечье, в купеческой семье. Его отец был владельцем нескольких крупных галантерейных лавок в Москве и Нижнем Новгороде. Мать Ремизова испытала сильнейшее влияние идеологии шестидесятых годов, что наложило отпечаток на всю ее жизнь. С пятью детьми она ушла от нелюбимого мужа. Детство Ремизова прошло в доме братьев матери, в быстро капитализирующейся купеческой среде. Грамоте будущий писатель сначала учился у дьячка, затем его отдали в 4-ю московскую гимназию, откуда он перешел в Александровское коммерческое училище. После окончания училища Ремизов поступил на естественное отделение физико-математического факультета Московского университета, посещая также лекции и на юридическом факультете. Большое впечатление на Ремизова-студента произвели сочинения Ницше, Метерлинка, первые стихотворные опыты Бальмонта и Брюсова. В то же время он знакомится с работами Маркса, Плеханова, задумывает исследование «История и развитие хлопчатобумажной промышленности». «Я считал себя социал-демократом», — вспоминал писатель много лет спустя («Иверень», л. 23). Будучи студентом, Ремизов посетил Цюрих, где в течение двух месяцев читал нелегальную литературу и откуда в сумке с двойным дном привез кипу запрещенных изданий, в том числе «Нищету философии» и «Речь о свободе торговли» К. Маркса, «Наши разногласия» Г. В. Плеханова («Иверень», л. 23).

18 ноября 1896 г. Ремизов был арестован как «агитатор» на студенческой демонстрации.³ Вместе с ним было арестовано 26 человек.⁴ Ремизова исключили из университета и выслали в Пензенскую губернию на два года под гласный надзор полиции. Во время полуторамесячного одиночного заключения он впервые серьезно обратился к художественному творчеству, написав нечто вроде фантастического дневника «Шурум-бурум».⁵

³ Н. В. Кодрянская, основываясь на неточности Ремизова («Иверень», л. 23), ошибочно указывает другую дату ареста: 18 ноября 1897 г. (Кодрянская Н. Алексей Ремизов. Париж, [1959], с. 79). Сам же Ремизов ранее вспоминал, что демонстрация, на которой его арестовали, была посвящена «полугодовой Ходынке», т. е. трагедии на Ходынском поле в Москве 18 мая 1896 г. во время народного гуляния в связи с коронацией Николая II (Ремизов А. Автобиография. 1912—1913. — Отдел рукописей Государственной Публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина (ГПБ), ф. 634, № 1, л. 7). В жандармском отчете также сказано, что Ремизов выслан в Пензу в конце 1896 г. (Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1898 и 1899 гг. СПб., 1902, с. 120).

⁴ Подробнее о студенческой манифестации 18 ноября 1896 г., возглавленной московскими социал-демократами, см.: Учен. зап. Московск. гос. ун-та, Юбилейная серия, вып. LI. История. Очерки по истории Московского университета. М., 1940; История Московского университета, т. I. М., 1955, с. 498.

⁵ Интерес к литературному творчеству проявился у Ремизова еще в детстве: свой первый рассказ он написал в 1884 г. («Иверень», л. 11).

В Пензе Ремизов вскоре примкнул к кружку прогрессивно настроенных интеллигентов и рабочих и принял участие в организации Пензенского рабочего союза.⁶ 28 июля 1897 г. на нелегальном литературном вечере Ремизов выступил с сообщением о царской расправе над Н. Г. Чернышевским. В жандармском отчете сообщалось: «... в Пензе энергично велась социалистическая пропаганда между рабочими мастерских Сызрано-Вяземской железной дороги, писчебумажной фабрики Сергеева и машиностроительного завода Крюгера, а также среди местной учащейся молодежи <...> Способами пропаганды служили организации отдельных кружков среди рабочих, устройство собраний, на которых проводились идеи преступного характера, и распространение нелегальной литературы. Кроме того, Ремизов осенью 1897 г. воспроизвел на гектографе 150 экземпляров прокламаций, приглашавших рабочих требовать сокращения рабочего времени⁷ и <...> разбросал таковые в механических мастерских».⁸ И снова арест (начало марта 1898 г.). На этот раз дело обернулось серьезнее. Жандармы приняли Ремизова за крупного революционера; при обыске у него была изъята запрещенная литература. Ремизов был заключен на несколько месяцев в одиночку, которая, по преданию, предназначалась для Пугачева. Следствие продолжалось полтора года. 8 октября 1899 г. судебная палата закончила составление обвинительного акта, а 31 мая 1900 г. Ремизов в административном порядке был выслан на три года в Усть-Сысольск Вологодской губернии. По трагическому недоразумению его вместе с уголовниками (а не с политическими) гнали пешком свыше тысячи верст в кандалах («Иверень», л. 198). Память об этом Ремизов сохранил на всю жизнь.

В Усть-Сысольске Ремизов продолжил свои литературные опыты. Однако, опасаясь полицейских репрессий (у него опять был обыск по подозрению в пропаганде), он сжег свой архив, в том числе рассказ «Убийца» и черновики других произведений. Через год вологодские друзья выхлопотали Ремизову перевод из Усть-Сысольска в Вологду.

В Вологде в начале века организовалась колония ссыльных. Вместе с Ремизовым там отбывали ссылку А. В. Луначарский, А. А. Богданов, Л. Мартов (Ю. О. Цедербаум), Н. А. Бердяев,

⁶ См. подробнее: Морозов В. Ф. Первые марксистские кружки в Пензе. — В кн.: Очерки по истории пензенского края. Пенза, 1973, с. 300—302. Кроме того, Ремизов участвовал в комплектовании рабочей библиотеки нелегальными изданиями и в создании рабочей кассы.

⁷ Летом 1897 г. рабочий М. Г. Сивачев (в дальнейшем писатель), участник пензенского кружка, переехал в Петербург, откуда переслал Ремизову две листовки ленинского «Союза борьбы за освобождение рабочего класса», которые были размножены и распространены среди пензенских рабочих (Морозов В. На рассвете. Пенза, 1963, с. 28—31).

⁸ Обзоры важнейших дознаний... с. 120.

Б. В. Савинков, П. Е. Щеголев, О. В. Аптекман и др.⁹ Колопия не была изолирована от внешнего мира. Ссылные активно переписывались с оставшимися на воле товарищами, получали столичные газеты и журналы, пользовались относительной свободой общения и передвижения, к ним могли приезжать знакомые. Все это способствовало занятиям литературной и научной деятельностью («Иверень», л. 166—173; о том же свидетельствует в своих воспоминаниях и А. В. Луначарский¹⁰). В Вологде крепнет писательское дарование Ремизова. Здесь он задумал и начал создавать такие этапные для его творчества произведения, как романы «Пруд» и «Часы».

Вступление Ремизова в литературу связано с именем М. Горького, Л. Н. Андреева и В. Я. Брюсова. Л. О. Цедербаум (сестра Л. Мартова) доставила рукописи Ремизова в Арзамас к Горькому, а П. Е. Щеголев направил их В. Г. Короленко. К литературным опытам начинающего автора известные писатели отнеслись весьма сурово,¹¹ однако, по утверждению Ремизова («Иверень», л. 184—189, 200), Горький «переслал» их Л. Н. Андрееву в Москву, по рекомендации которого они и были опубликованы в газете «Курьер».¹²

Окрыленный первым успехом, Ремизов в ноябре 1902 г. хлопотал разрешение съездить на две недели в Москву (под предлогом свидания с матерью, см.: «Иверень», л. 197). Здесь он знакомится с Л. Андреевым и В. Брюсовым, который пригласил его участвовать в альманахе «Северные цветы» и в журнале «Новый путь».¹³

Вологодская ссылка Ремизова закончилась 31 мая 1903 г. Однако в течение пяти лет ему запрещалось проживание в Москве

⁹ Интересный факт: Ремизов поддерживал отношения с известным позднее революционером-террористом И. П. Каляевым, часто приезжавшим в Вологду («Иверень», л. 22, 172—173; см. также: Смиренский В. В. Алексей Ремизов. Воспоминания. — ГПБ, ф. 1049, № 3, л. 7).

¹⁰ Луначарский А. В. Воспоминания и впечатления. М., 1968, с. 78—83.

¹¹ Еще зимой 1898 г. В. Э. Мейерхольд возил рукописи Ремизова в Ялту А. П. Чехову, воспринявшему их резко отрицательно («Иверень», л. 159). Негативная оценка прозы Ремизова дана в горьковском письме к нему от 21 мая 1902 г. (Горький М. Собр. соч. в 30-ти т., т. 28. М., 1954, с. 249—250).

¹² Стихотворения в прозе «Плач девушки перед замужеством» (Курьер, 1902, № 248, 8 сентября), «Мгла», «Осенняя песня» (там же, № 262, 22 сентября) опубликованы за подписью «Н. Молдованов», стихотворение в прозе «Колыбельная песня» и рассказ «Бибка» (там же, № 325, 24 ноября) — за подписью «А. Ремизов (Н. Молдованов)». Ремизов взял в качестве псевдонима фамилию воронежского босняка, о котором ему рассказывал П. Е. Щеголев («Иверень», л. 184).

¹³ Брюсов следующим образом выразил свое впечатление от знакомства с Ремизовым: «...виделся с Ремизовым, моим поклонником из Вологды. Пришел к „нам“ из крайнего красного лагеря. Говорил интересное о Н. Бердяеве, Булгакове и других» своего, Вологодского кружка» (Брюсов В. Дневники. 1891—1910. М., изд. М. и С. Сабашниковых, 1927, с. 123).

и Петербурге. В 1903—1904 гг. почти без средств к существованию Ремизов с женой¹⁴ и дочерью кочует по югу России: Херсон, Одесса, Киев и т. д. В Херсоне Ремизов участвовал в работе «Товарищества новой драмы», возглавляемого В. Э. Мейерхольдом, с которым писатель познакомился еще в Пензе. Ремизов много пишет, но печатается мало, получая постоянно отказы из различных журналов. В январе 1905 г. Ремизову по специальному разрешению министра внутренних дел было позволено проживание в столице; в феврале он с семьей переезжает в Петербург, где становится заведующим конторой журнала «Вопросы жизни». Имя его делается широко известным в столичных литературных кругах, он начинает много печататься в модернистских изданиях.

Революцию 1905 г. Ремизов встретил с глубоким духовным подъемом, публиковался в прогрессивном сатирическом журнале «Адская почта». Однако после ссылки он отошел от непосредственного участия в революционном движении, целиком посвятив себя литературному творчеству. В 1907 г. выходит его первая книга — «Посолонь» (М., изд. журнала «Золотое Руно»), высоко оцененная А. Белым, Вяч. Ивановым, М. Волопиным и другими литераторами. И последующие произведения Ремизова вызывали многочисленные отклики в прессе.

Творчество Ремизова исследователи часто относят к «чистому» символизму. Однако это не вполне точно, ибо оно «обладает чертами „промежуточного“ художественного состояния» между реализмом и символизмом.¹⁵ Ремизов как писатель восходит к Гоголю, Достоевскому, Лескову, Мельникову-Печерскому. В ряде его произведений («Пруд», «Часы», «Неуемный бубен», «В крепости», «По этапу» и др.) явственно ощутима реалистическая основа. Поддерживая личные связи с лидерами символизма и печатаясь вместе с ними в одних и тех же сборниках и журналах, Ремизов был, однако, далек от их внутрилитературной фракционной борьбы и полемики.

В предреволюционное пятилетие литературная известность Ремизова заметно возросла. В 1910—1912 гг. в издательстве «Сирин» вышло восьмитомное собрание его сочинений. Справедливо суждение о том, «что Ремизов крупно выделился в искусстве предреволюционного периода благодаря безграничному состраданию своему к безвинно обижаемому человеку <...> Его проза привлекала своей родственностью стихии народной поэзии, в особенности русской сказке, с ее мудростью и озорством одновременно».¹⁶

¹⁴ В Вологде в 1903 г. Ремизов женился на ссыльной эсерке С. П. Довгелло (1876—1943), ставшей его верной спутницей.

¹⁵ Келдыш В. А. Русский реализм начала XX века. М., 1975, с. 267. О том же пишут и авторы книги: Судьбы русского реализма начала XX века. Л., 1972.

¹⁶ Бузник В. В. Русская советская проза двадцатых годов. Л., 1975, с. 38.

В 1917—1921 гг. Ремизов принимал активное участие в литературной жизни Петрограда, работал в Театральном отделе Наркомпроса, часто выступал в Доме литераторов, печатался в советских изданиях.¹⁷ Однако понять исторические перспективы Октябрьской революции Ремизов не сумел. Писатель совершил трагическую ошибку, покинув родину 5 августа 1921 г. Он и сам вскоре понял это: «... русскому писателю да еще в такую пору — столпотворенную — без России никак невозможно».¹⁸

Около двух лет Ремизов провел в Берлине, а с 5 ноября 1923 г. до конца своих дней жил в Париже. В годы эмиграции творчество Ремизова претерпело существенные изменения, его поздние произведения напоминают «герметическую» тайнопись для посвященных. С 1932 по 1946 г. он не издал ни одной книги, позднее его произведения мизерными тиражами (200—300 экз.) издавались на пожертвования друзей. Писатель терпел жестокую нужду. Особенно тяжелыми были для него годы нацистской оккупации Парижа; три года он не брал в руки пера. На закате жизни он признавался: «Русский, Россия — через всю мою жизнь»; «Вся моя жизнь прошла с глазами на Россию».¹⁹ В 1946 г. Ремизов получил в Париже советский паспорт, что явилось в известном смысле актом гражданского мужества, так как этот поступок навлек на него нападки определенных эмигрантских кругов. В последние годы жизни писатель поддерживал тесные связи с Пушкинским Домом, интересовался работой института, присылал свои книги. Он умер 26 ноября 1957 г. с мыслью о России (письма Н. В. Кодрянской и В. П. Никитина к В. И. Малышеву, хранящиеся в ИРЛИ).

2

Материалы архива дают возможность ознакомиться с различными этапами творческой деятельности Ремизова, уточнить факты его биографии, получить представление о Ремизове как своеобразном художнике-каллиграфе.

В архиве хранятся следующие (беловые, черновые, наборные) рукописи Ремизова: поэма «Иуда» (<1903>), рассказы «Богомолье» (<1905>) и «Жертва» (1908), сказка «Облаежа» (<1915>), «приносущное слово» «Святейшая великая Божия церковь София премудрость» (<1915>), притчи «Имя и страж» (<1915>) и «Литеры пророческие» (<1915>).

Особо интересна рукопись неопубликованной повести «Ров львиный» («Плачужная канава»). Ремизов вспоминал, что по-

¹⁷ Об этом периоде жизни Ремизова см.: Федин К. Горький среди нас. М., 1968, с. 114—124.

¹⁸ Ремизов А. Ахру. Повесть петербургская. Берлин—Пб.—М., 1922, с. 31.

¹⁹ Кодрянская Н. Алексей Ремизов, с. 42, 113.

весть писалась с 1914 по 1918 г., «переписывалась не раз, негде было напечатать».²⁰ Она состоит из 4 частей, включающих 18 глав (в рукописи отсутствует 17-я глава). Фрагменты повести печатались в различных периодических изданиях. Это произведение занимает важное место в творчестве писателя, сам он считал его своей «последней попыткой „романа“»,²¹ т. е. находящимся в русле реалистической повествовательной прозы. И действительно, «Ров львиный», в котором весьма ощутимо влияние Гоголя и Достоевского, продолжает гуманистическую линию русской литературы, развивая тему «маленького человека» на материале действительности начала XX в. «Неудачливость и обиденность» — так сформулировал Ремизов основную тему повести. В ней идет речь о беспросветной жизни бедных чиновников Баландева и Тимофеева, кухарки Овсеевны, о горькой любви Маши Тимофеевой к доктору Труфанову, о трагикомической любви «помощника инспектора» Будылина. Показывая, как существующая жизнь калечит людей, растлевает души, писатель по-своему протестует против «свинцовых мерзостей» предреволюционной действительности. В повести ощутимы автобиографические элементы. В жизнеописание Будылина Ремизов влетает факты из своей биографии: исключение из университета за участие в студенческой демонстрации, поездка в Цюрих и провоз в Россию в сундуке с двойным дном нелегальной литературы, любовь к старинным документам, переписка с хранителем Романовского музея в Костроме — близким другом писателя — И. А. Рязановским.

Помимо названных, в фонде представлены следующие рукописи: беловая рукопись повести «Черная бабушка» (о детстве С. П. Ремизовой-Довгелло), вошедшей в книги Ремизова «В поле блакитном» (Берлин, «Огоньки», 1922) и «Оля» (Париж, «Вол», 1927); наборная рукопись повести «Страница прохожая»;²² рукопись с авторской правкой «Комедии о царе Максимилиане и непокорном сыне его Адольфе», созданной на основе «народной драмы»; наброски рецензии на пьесу Е. И. Замятина «Огни святого Доминика» (<1919>); черновик (с автоиллюстрациями) «китайской повести» «Переменная башка»;²³ рукопись статьи «Огненная Россия» (<февраль 1921 г.>), посвященной памяти Ф. М. Достоевского.²⁴

Книга «Россия в письменах» (вторая половина 1910-х годов)²⁵ занимает своеобразное место в творческом наследии писателя.

²⁰ Там же, с. 303.

²¹ Там же, с. 109.

²² Отдельное издание см.: Ремизов А. Страница. Пг., 1918.

²³ Опубликовано в кн.: Ремизов А. Шумы города. Ревель, «Библиофил», 1921.

²⁴ Статья вошла в сборник «Пушкин. Достоевский» (Пг., 1921), в котором приняли участие А. Блок, М. Кузмин и другие литераторы.

²⁵ Ремизов А. Россия в письменах, т. I. М.—Берлин, «Геликон», 1922. Главы из этой книги печатались в дореволюционных газетах и журналах.

Книга представляет собой частично публикацию подлинников, частично стилизацию архивных документов, относящихся к различным этапам исторического прошлого России. В архиве находятся: наборная рукопись главы «Росписной сундук»; беловая рукопись расширенного варианта главы «Дьякова память»; фрагменты расширенного варианта главы «Нарва», свидетельствующие о пристальном внимании Ремизова к личности и государственной деятельности Петра I.

Издательство «Геликон», в котором в 1922 г. был напечатан первый том «России в письменах», в 1923 г. прекратило свою деятельность, и ряд книг, подготовленных к печати, остался неизданным, в том числе и второй том «России в письменах», сохранившийся в архиве (начало 1920-х годов).

В архиве хранится еще одна подготовленная к печати и неопубликованная книга. В 1919 г. Ремизов предполагал издать сборник своих рассказов. Замысел не осуществился, однако остался «макет» сборника, который представляет собой свод книжных, газетных и журнальных вырезок с произведениями Ремизова, а также рукописей нескольких рассказов. В сборник должны были войти рассказы «Птичка», «Яблонька», «Аленушка», «Мурка», «Чудо», «Звезды», «Пупочек», «Белый заяц», «К звездам» и др.

Как известно, в первые послереволюционные годы книгоиздательское дело в России претерпевало серьезные трудности. Из-за разрухи, вызванной гражданской войной и иностранной интервенцией, сократился выпуск книг, не хватало бумаги, простаивали типографии и т. д. Многие писатели были вынуждены от руки переписывать и размножать свои произведения, которые они продавали любителям-коллекционерам. В фонде хранятся шесть сброшюрованных и иллюстрированных Ремизовым книжечек (1920): «Ложечка солозобочка», «Квас глоткотык», «О заплечном мастере. Память ярославская» (каждая сказка в двух экземплярах, первый написан нормальным почерком писателя, второй — стилизованным почерком древнерусского писца). Рукописные брошюры затейливо украшены рисунками Ремизова.

Со второй половины 1920-х годов Ремизов стал снимать рукописные копии со своих ранних произведений, предназначая их в дар друзьям и знакомым. В фонде хранятся четыре копии сказок (1926—1927) из сборника «Посолонь»: «Монашек», «Кострома», «Богомолье» и «Змей». Две последние копии с ремизовскими иллюстрациями были посланы писателем в подарок сотруднику Пушкинского Дома М. В. Устимовичу.

Из рукописей последнего периода в архиве хранится иллюстрированный сборник обработанных Ремизовым народных сказок и легенд — «Круг счастья. Книга о царе Соломоне», с дарительной надписью И. В. Корянскому от 8 сентября 1948 г.

В фонде находятся две недатированные рукописи: план неосуществленного сборника «Корочуновы сказки» (озаглавленного по названию сказки «Корочун» из «Посолони»; Ремизов предполагал

включить в этот сборник пять сказок: «Морщинка», «Пальцы», «Зайчик-иваныч», «Лиса-летунья» и «Зайка»), а также фрагмент «Сказки о молодце, коне и сабле», оформленный Ремизовым как выписка из «книги подъячего Анфима Шипкова».

Помимо рукописей, архив включает машинописную копию с авторской правкой сказки «Царь Додон».²⁶

Для специалистов по истории русской литературы начала XX в. полезным будет ознакомление с дневниковой тетрадью Ремизова «Сирин», датированной октябрем 1912 г. Речь в ней идет о возникновении крупного издательства под этим названием, выпустившего собрания сочинений Ремизова,²⁷ Брюсова и Сологуба (1912—1915). Издательство было основано 10 октября 1912 г.: в этот день о своем согласии финансировать «Сирин» Ремизову сообщил по телефону М. И. Терещенко — капиталист и видный деятель кадетской партии. 11 октября Ремизов познакомил Терещенко с Р. В. Ивановым-Разумником, фактически взявшим в свои руки руководство издательством. 15 октября сестра Терещенко, Пелагея Ивановна, предложила для издательства название «Сирин». 17 октября в работе редакции согласился участвовать А. А. Блок. 20 октября Ремизов записал: «С Блоком разговаривал по телефону: он 2 дня не пишет, так взбудоражен „Сириню“. Он думает, что новое издательство будет иметь огромное значение для русской литературы и жизни литературной». В записи от 22 октября Ремизов констатирует «согласие» В. Брюсова и осложнения в переговорах с Ф. Сологубом по поводу издания собраний их сочинений. 27 октября писатель сообщает о договоренности с издательством «Шиповник», в соответствии с которой право на дальнейшую публикацию собрания сочинений Ремизова перешло к «Сирину». 28 и 30 октября члены редакции встречались с Брюсовым. В ту же тетрадь Ремизов сделал выписки из «Русского хронографа» и других изданий о мифической птице Сирин и наклеил фотографию церкви в Костроме, имеющей фреску с изображением Сириня, рекламный проспект книгоиздательства «Шиповник», журнальные вырезки с фотографиями Л. Н. Андреева, Ф. Сологуба и др. В тетрадь вклеены телеграммы М. И., П. И. и Е. И. Терещенко к Р. В. Иванову-Разумнику от 12 октября 1912 г. и Брюсова к Ремизову от 18 октября 1912 г., а также письмо С. Я. Осипова (управляющего делами «Сириня») к Р. В. Иванову-Разумнику от 20 октября 1912 г. и письмо (неотправленное?) Иванова-Разумника к Ф. Сологубу от 23 октября 1912 г. с условиями денежных расчетов за издание собрания сочинений последнего. На одном из листов тетради Ремизов сделал шуточный групповой портрет лиц, близких к редакции, использовав для этого переводные картинки.

²⁶ Ремизов А. Царь Додон. Пг., изд. «Обезволпал» («Алконост»), 1920.

²⁷ В «Сирине», кроме того, вышли книги Ремизова «Подорожие» (1913), «Докука и балагурье» (1914), «Весеннее порошье» (1915).

Воспоминания Ремизова «Иверень», о которых шла речь выше, являются непосредственным продолжением его мемуарной книги «Подстриженными глазами» (Paris, YMCA-Press, 1951). Над «Ивернем» Ремизов работал в 1920—1940-е годы (закончена в 1946 г.). Отрывки из книги печатались в зарубежных изданиях («Современные записки», «Возрождение», «Новоселье», «Советский патриот» (Париж) и др.). Отдельные главы никогда не публиковались. В фонде Ремизова находится полный экземпляр «Иверня» — контаминация газетных и журнальных гранок с правкой автора и машинописных фрагментов.

«Иверень» открывается разделом «Начало слов. (Запев)», включающим семь глав («Писатель», «Эпиталама», «Не наших измерений», «Сны», «Философия», «Наука», «В каменщиках»). Ремизов рассказывает в них о своей писательской судьбе, о своеобразном понимании им собственного творческого пути, о литературных и философских влияниях, испытанных им в ранней юности. Здесь же идет речь о его первом аресте.

Второй раздел книги носит название «Иверень. (Родословие)». В нем Ремизов повествует о своих родственниках с материнской стороны, в основном о дяде — Н. А. Найденове, председателе Московского биржевого комитета. Писатель создает колоритный образ буржуазного деятеля пореформенной эпохи, чья приверженность к славянофильским воззрениям, а также страсть к древнерусской письменности произвели большое впечатление на Ремизова-юношу.

Третий раздел «Иверня» (самый обширный), «Кочевник», состоит из 16 глав («По-проходному», «На мельнице», «В гостинице», «Козье болото», «Блины», «В номерах», «В стойле», «В курятнике», «Ход в окошко», «За занавеской», «В благородном семействе», «В лакейской», «В подвале», «Пугачевская клетка», «На курьих ножках», «В модной мастерской»). «Кочевник» посвящен пензенской ссылке Ремизова. Писатель вспоминает о тяготах жизни политического ссыльного, о встречах с товарищами по несчастью (например, с Д. А. Юрасовым — участником кружка Каракозова, помилованным после вынесения смертного приговора), о быте русской провинции конца прошлого века. Интересен рассказ Ремизова о дружбе с сыном крупного пензенского водочного заводчика — юным В. Э. Мейерхольдом, которого он «пронял марксизмом» («Иверень», л. 96). Основное место в «Кочевнике» отведено воспоминаниям о втором аресте и одиночном заключении в пензенском тюремном замке.

Далее следует раздел «В сырых туманах», включающий главы «На заповедной земле», «Несбыточные происшествия» и «Семь бесов»; в них речь идет об усть-сысольской ссылке Ремизова.

Ценным в фактографическом отношении является раздел «Розовые лягушки. (Мое вступление в литературу)», куда входят пять глав («Титаны», «Еркулы», «Сумасшедший», «Курьер», «В Москву»). Ремизов рассказывает о дружбе с вологодскими

ссылками, об их быте, научных и литературных занятиях, о ранних литературных опытах — своих, А. В. Луначарского и Б. В. Савинкова. Подробно останавливается Ремизов и на своем первом выступлении в газете «Курьер».

В разделе «Москва» (главы: «Демоны», «Анафема. (Леонид Андреев)», «Аделаидин цвет. (Валерий Брюсов)») Ремизов вспоминает свою поездку в столицу по литературным делам, о знакомстве и позднейших отношениях с известными литераторами. В своих оценках их деятельности Ремизов весьма пристрастен; эти высказывания проливают свет на его литературные склонности и симпатии. Здесь же Ремизов излагает историю своего знакомства с вологодским экспортером масла, в будущем датским писателем Оге Маделунгом, чьим «крестным отцом» в литературе он явился (Ремизов обработал и передал Брюсову для публикации в «Северных цветах» первый рассказ Маделунга «Сансара»).²⁸

Последний раздел книги — «Северные Афины. (Вологда)» — включает главы «Прощеный день», «Предбанная память», «Олимп и Парнас», «Тарабарщина», «Имена», «Подорожие», «Савинков». Писатель вновь возвращается к периоду вологодской ссылки. Читателя несомненно заинтересуют очерки о П. Е. Щеголеве, И. А. Давыдове, Н. М. Ионове, Н. К. Мукалове, Н. А. Бердяеве, И. А. Неклепаеве, З. В. Александровой, Б. В. Савинкове. В кратком заключении «Судьба без судьбы» Ремизов, не скрывая своего пессимизма, рассуждает о трагизме индивидуальной судьбы.

3

В архиве хранится почти полная коллекция оригинальных книг Ремизова, отдельных изданий переводов его произведений на иностранные языки, две книги, переведенные писателем в молодости для заработка, а также переплетенная им брошюра, в которой он объединил оттиски переводов, выполненных совместно с С. П. Ремизовой-Довгелло,²⁹ для журнала «Вопросы жизни».³⁰ До отъезда за границу писатель издал 37 книг, на чужбине — 45. Переводы его произведений появлялись в Германии, Чехословакии, Венгрии, Болгарии, Югославии, Голландии, Франции, Италии, Англии, США (35 книг). Эти книги были составной частью библиотеки писателя, многие из них собственноручно переплетены Ремизовым. На книгах — дарительные надписи С. П. Ремизовой-Довгелло

²⁸ См.: Письма А. М. Ремизова и В. Я. Брюсова к О. Маделунгу. Составление, подготовка текста, предисл. и примеч. П. А. Енсева и П. У. Мёллера. Копенгаген, 1976.

²⁹ О переводах Ремизова см.: Кюдрианская Н. Алексей Ремизов, с. 147—150.

³⁰ В собрании отсутствуют книга Ремизова «Что есть табак. Повесть» (СПб., 1908) и две его книги в переводах на английский и венгерский языки.

(до ее смерти в мае 1943 г.) и Н. В. Кодрянской (иногда и И. В. Кодрянскому), которой он подарил свою библиотеку в конце 1940-х годов.

Пространные дарительные надписи жене на книгах, представляющие собой по существу автобиографические заметки, — весьма ценный материал для исследователя творчества Ремизова. Почти все они опубликованы.³¹ Приведем одну неопубликованную надпись на книге А. Родэ «Гауптман и Ницше» (Перевод с немецкого Вс. Мейерхольда и А. Ремизова. М., 1902) от 19 сентября 1929 г.: «Первая, изданная, получил гонорар — 25 рублей».

Процитируем несколько дарительных надписей Н. В. и И. В. Кодрянским. На издании «Голубиная книга» (Гамбург, «Родник», 1946) от 14 июля 1952 г.: «Книга издана без ведома автора. Узнал о ней случайно в 1951 г.».

На книге «Пляшущий демон» (Париж, <1949>) от 3 августа 1949 г.: «Эта книга вышла чудесным образом, как вся моя жизнь; хочу объяснить в ней, вспоминая прошлые века, откуда огонь и мое воронье перо где искать».

На книге «Повесть о двух зверях. Ихнелат» (Париж, «Опleshник», 1950) от 23 мая 1950 г.: «Книга писалась год (1948) под вашим глазом, а читано десять тысяч раз; за каждым словом моя жизнь. Очень вам благодарен за ваши замечания, советы и поправки. Это вы, расковав старинные письма, вывели на свет и оголосили русским словом Ихнелата, а за ним Грудцына».

На книге «Бесноватые. Савва Грудцын и Соломония» (Париж, «Опleshник», 1951) от 10 апреля 1951 г.: «Без вашего волшебства не одолеть мне было Грудцына и формально: ваши словесные находки и на мои промахи глаз. С какой восторженной болью писал я Грудцына. А сколько потом было *пропуск* осуществить мечту издать книгу, я доходил до отчаяния, как думая о Ваших „Сказках“: ³² удачи ли. Теперь черед за „Мелюзиной“».

На книге «Подстриженными глазами» от 3 июля 1951 г.: «Есть солнечный цвет золотом; в этом доме живет сердце человека. Одни сердца погасли, другие светятся, а есть среди них, которые и светят и звучат. Ваша книга „Сказки“ — сердце, мне звучит и светит. Ваша счастливая доля! Но счастье не праздник, счастье — дар скорбей. Или погаснуть, или тихо светить, или, как чувствую я, счастливый, — моя горечь, моя покинутость, моя тревога».

На книге «Мелюзина. Брунцвик» (Париж, «Опleshник», 1952) от 10 августа 1952 г.: «Эта книга — сияние моей боли, с какой болью я ее ждал!».

На книге «Тристан и Исольда. Бова Королевич» (Париж, «Опleshник», 1957) от 24 июня 1957 г.: «Большими словами о любви, чем те, что у Грудцына и тут, мне не сказать».

³¹ К о д р я н с к а я Н. Алексей Ремизов, с. 151—186.

³² Речь идет о книге: К о д р я н с к а я Н. Сказки. Предисл. А. Ремизова. Париж, 1950.

Н. В. Кудрянская передала также в фонд Ремизова отдельные номера французских журналов, принадлежавшие писателю, где печатались переводы Ремизова и статьи о его творчестве («La licorne», «Points», «84», «La table ronde», «La nouvelle Revue Française», «La revue des deux mondes», «La parisienne», «La revue de culture européenne» и др.).

4

Говоря о Ремизове, нельзя не упомянуть о его страсти к мифификации, литературной шутке, розыгрышу. Современники Ремизова нередко вспоминают об основанном писателем в 1908 г. фантастическом обществе — «Обезьяньей Великой и Вольной палате» («Обезвелволпал»). Трагически пережив поражение первой русской революции, Ремизов ушел в призрачный мир изощренной умственной игры, по-своему выразив в ней стремление к простоте и правде, к подлинно справедливым социальным отношениям. В рукописном варианте «манифеста» «обезьяньего царя» Асыки Первого Ремизов восклицал, что в «Обезвелволпале» «нет места гнусному человеческому лицемерию». «Никакие лицемерные ухищрения пузатых от приседа и присяда и называющих идею приемлемой, но не приемлющих борьбу за ту же идею и не допускающих бороться мыслью и идеей там, где это возможно, — писал Ремизов, — не могут быть допустимы в ясно-откровенном и смелом обезьяньем царстве».³³ С годами он перестал отделять себя от вымышленного им персонажа, и маска «канцеляриуса» «Обезвелволпала» сделалась подлинным ликом писателя. Игра стала жизнью, а жизнь превратилась в игру. Многие литераторы поддерживали эту ремизовскую игру.

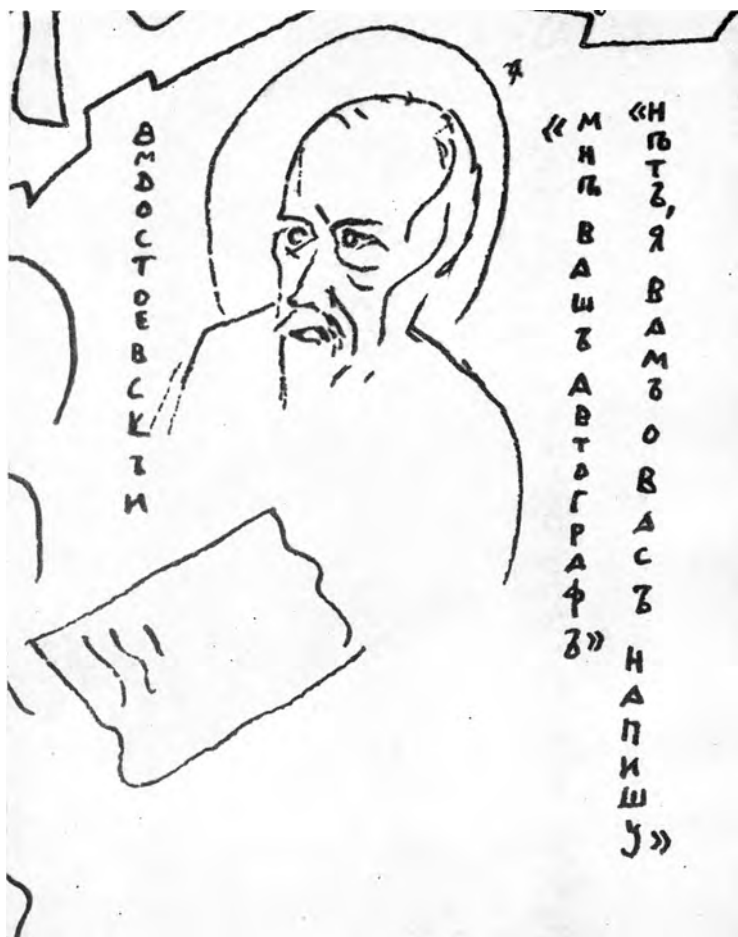
В архиве хранятся многочисленные документы «Обезвелволпала» (в основном берлинского периода жизни Ремизова). Наибольший интерес представляет рукописная тетрадь с составленным им списком членов «Обезвелволпала», где представлена фантастическая иерархия чинов и званий. Среди прочих членами «Обезвелволпала» были: П. Е. Щеголев (старейший князь обезьяний и кавалер обезьяньего знака), В. Я. Шишков (князь обезьяний сибирский и бежецкий), М. М. Пришвин (князь обезьяний и полномочный резидент заяшного ведомства),³⁴ М. Горький (князь обезьяний и заместитель старейшего в Германии, кавалер обезьянский с глобусом), З. И. Гржебин (зауряд-князь обезьяний и кавалер обезьяньего знака), И. С. Соколов-Микитов (забеглый князь «дорогобужских дремучих лесов»), А. Н. Толстой (забеглый

³³ В печатной редакции «манифест» см. в кн.: Ремизов А. Ахру. Повесть петербургская, с. 50—51. Имя Асыки заимствовано из житийной литературы: в 1456 г. вогульский князь Асыка убил пермского епископа Питирима.

³⁴ См. заметку Ремизова о Пришвине «Голос из России» (Вопросы литературы, 1970, № 9, с. 254—255).

Портрет А. М. Ремизова работы Л. О. Пастернака. 1923 г.
Литография.

Ф. М. Достоевский. Рисунок А. М. Ремизова.

князь обезьяний парижский), М. А. Кузмин (музыкант «Обезвельволпала»), Л. Шестов, Е. Г. Лундберг, Р. В. Иванов-Разумник (старосты обезьяньи и старейшие кавалеры). Список дополняет карандашная «Разрядная роспись людям Обезьяньей Великой и Вольной палаты», согласно которой в «Обезвельволпал» входили также С. М. Алянский, Н. С. Гумилев, Е. И. Замятин, В. В. Розанов, С. В. Чехонин, С. Э. Радлов, А. А. Блок, Е. П. Иванов, Е. В. Аничков, Ю. Н. Верховский, Б. Пильняк, Ф. Ф. Комиссаржевский, М. О. Гершензон, Ю. К. Балтрушайтис, С. С. Прокофьев, М. М. Шкапская, В. Г. Лидин, М. К. Лемке. К «Обезвельволпалу» принадлежали, кроме того, А. Белый, К. Эрберг, В. Б. Шкловский, К. С. Петров-Водкин, И. Г. Эренбург, А. А. Ахматова,³⁵ А. Э. Штейнберг и другие деятели культуры.

В другом списке членов «Обезвельволпала», составленном Ремизовым глаголическими письменами, против соответствующих фамилий сохранились подписи А. Белого, А. С. Яценко, Е. Г. Лундберга, И. С. Соколова-Микитова, С. П. Постникова, Б. Пильняка. Здесь же приведен список «трудов» «Обезвельволпала»: книги Ремизова «Сказки царя Асыки» (Берлин, «Русское творчество», <1922>), «Царь Додон» (Пг., изд. «Обезвельволпал» («Алконост»)), 1921), «Заветные сказы» (Пг., «Алконост», 1920) и неосуществленный сборник «Семидневец». В той же тетради находятся карандашные наброски таких «документов» «Обезвельволпала», как положение о денежных знаках, статут и «реликвии», «слова и письма обезьянские», геральдическое описание «ордена палаты».

«Кавалеры обезьяньего знака» получали особые «грамоты», искусно расписанные Ремизовым. В фонде хранятся три такие грамоты, выданные А. В. Осиповой (23 октября 1923 г.), В. П. Вельтер (23 февраля 1947 г.) и В. П. Никитину (15 декабря 1950 г.). Вторая примечательна тем, что на ней приведен список членов «Обезвельволпала» конца 1940-х годов.

Члены «Обезвельволпала» иногда собирались на квартире Ремизова (в архиве есть список лиц, присутствовавших на последнем берлинском «сборище» — 3 ноября 1923 г.) и поддерживали с ним шуточную переписку, пародируя тон и стиль официальных бумаг. В фонде хранится несколько таких писем (почти все коллективные) 1922—1923 гг. за подписями И. Г. Эренбурга, Л. Козинцевой, В. Вишняка, М. Шкапской, А. Бахраха, А. Зискинда, Н. Львовой, В. Лурье, Н. Андреева. К материалам «палаты» прилегают четыре газетные вырезки (с сообщениями о ней), корректура «письма пятого», содержащего «описание Ремизова <...>, быта и нравов великого обезьянского ордена», из книги В. Б. Шкловского «Зоо. Письма не о любви, или Третья Элоиза»

³⁵ «Обезьянья грамота», выданная А. А. Ахматовой, опубликована, см.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976, между с. 64—65.

(Берлин, «Геликон», 1923), и несколько рисунков Ремизова (изображение царя Асыки, абстрактная композиция «Хабар обезьяней», стилизованные карандашные портретные зарисовки И. С. Соколова-Микитова, Э. М. Каплун, автопортрет-шарж).

Ремизов-рисовальщик был достаточно известен, его рисунки публиковались в газетах и журналах, часто он иллюстрировал собственные книги. Зимой 1933—1934 гг. в Праге экспонировалось свыше 1000 его рисунков, интерес к ним проявляли П. Пикассо и А. Бретон.³⁶ Рисунки Ремизова, его тяга к каллиграфии, к украшательству рукописей созвучны творчеству писателя, сознательно имитировавшему древний стиль «извития словес».

В биографическом отношении важен цикл из 22 рисунков «Последний путь из России» (1921), где писатель поэтапно запечатлел мучительную для него дорогу на чужбину. «А как не хотелось мне уезжать из России!», — признается он через много лет в дарительной надписи Н. В. Кодрянской от 17 января 1948 г.

В течение всей жизни Ремизов делал иллюстрации к своей первой книге «Посолонь». Так, во второй половине 1920-х годов он выполнил тушью пять рисунков к сказкам из этого сборника: «Доремидошка», «Калечина-малечина», «Ягиный гребень», «Вындрик-зверь» и «Монашек». В фонде хранится тетрадь с 19 автоиллюстрациями (1948—1949) к книге Ремизова «Повесть о двух зверях. Ихнелат»³⁷ с дарительной надписью Н. В. Кодрянской от 7 июля 1949 г. В самой книге воспроизведены только шесть из них.

К 1949—1953 гг. относится тетрадь с 36 рисунками писателя, выполненными тушью. Почти все они — иллюстрации к его произведениям («Странница», «Повесть о двух зверях. Ихнелат» и др.). Любопытен набросок обложки к неопубликованной книге «Иверень».

В 1950 г. Ремизов создал цикл из 38 рисунков тушью и оформил их в особый альбом «Карты Сведенборга» (дарительная надпись Н. В. Кодрянской от 26 апреля 1951 г.). Рисунки предназначались для лицевой стороны гадальных карт, приписываемых шведскому теософу и духовидцу Э. Сведенборгу.³⁸ В тот же альбом Ремизов вклеил ряд интересных документов: четыре фотокопии (с пояснительными надписями) фресок в своей последней петроградской квартире (Васильевский остров, 14-я линия, д. 31/34, кв. 48) со стилизованными изображениями царя Асыки, З. И. Гржебина, И. А. Рязановского, А. Д. Радловой,

³⁶ Кодрянская Н. Алексей Ремизов, с. 98, 288. О возникновении своих рисунков Ремизов подробно рассказал в письме к Н. В. Заредькому от 3 марта 1928 г. (*Československa rusistika*, 1969, t. XIV, 4, s. 179—180).

³⁷ Об этой книге см.: Лурье Я. А. М. Ремизов и древнерусский «Стефанит и Ихнелат». — Русская литература, 1966, № 4, с. 176—179.

³⁸ Подробнее: Ремизов А. Россия в письменах, т. I, с. 111—122; Ремизов А. Подстриженными глазами. Paris, YMCA-Press, 1951, с. 21—26.

Я. П. Гребенщикова, П. Е. Щеголева и др., два рисунка Н. В. Кодрянской в «обрисовке» Ремизова, несколько автоиллюстраций к своим произведениям, два рисунка Д. Д. Бурлюка (1950). В фонде имеется еще один ремизовский альбом — «Альбом Лидии Николаевны Либшютц. Мои письма и картинки» (1954), включающий рисунки и письма писателя к Л. Н. Либшютц; некоторые из писем иллюстрированы.

В дарительной надписи И. В. Кодрянскому от 10 декабря 1949 г. на шмуцтитальном листе особой тетради Ремизов пишет: «В эту тетрадь я вклеивал что печаталось из моих рисунков, безо всякой мысли, как попало <...> Я бы назвал эту тетрадь, как о земле Писцовы книги пишут: „Кривцы и скочки“». Здесь собраны вырезки (79) и фотографии (6) живописных работ Ремизова (1920—1940-е годы) из русских и иноязычных периодических изданий. В их числе автоиллюстрации к книгам «Посолонь», «По карнизам», «Взвихренная Русь», рисунки по мотивам произведений Тургенева «Пегушков», «Конец Чертопханова», «Часы», «Накануне», «Живые мощи», стилизованные портреты М. Горького, В. В. Розанова, Б. В. Савинкова, В. Б. Сосинского, Л. Шестова, А. С. Яценко, первопечатника Ивана Федорова и др. Вырезки с иллюстрациями к произведениям Тургенева наклеены Ремизовым в специальный альбом (дарительная надпись И. В. Кодрянскому от 1 ноября 1947 г.).³⁹

К рисункам Ремизова примыкают его «графические дневники». Происхождение их писатель объяснял так: «Каждую ночь я вижу сны, и по утру запишу. В течение нескольких лет вел графический дневник: рисовал сон, а вокруг события дня».⁴⁰ В фонде хранятся три «графических дневника».

«Именней графический полупряник Тырло,⁴¹ 550 снов» (22 декабря 1933 — 8 октября 1937 г.), с дарительной надписью Н. В. Кодрянской от 8 сентября 1948 г., состоит из 26 тетрадей для рисования, заключенных в картонную папку, которую писатель украсил рисунком (здесь же хранятся фрагменты черновика предисловия к книге «Мартын Задека»). Записи «снов», весьма разнообразных по сюжетам, представляют собой рисунки Ремизова пером с пояснительными надписями. Их изучение позволяет проникнуть в причудливый мир ремизовских ассоциаций, установить круг лиц, с которыми он общался в эти годы, определить

³⁹ См. иллюстрированное самим писателем издание: Remizov A. Tourgueniev poète du rêve. Paris, 1933. Т. А. Осоргина подарила музею ИРЛИ альбом рисунков русских писателей (А. Н. Толстого, И. С. Соколова-Микитова, М. А. Осоргина, П. П. Потемкина и др.), принадлежавший Ремизову (№ 86698). Писатель украсил альбом своими рисунками, вьетками и заставками.

⁴⁰ Ремизов А. Мартын Задека. Сонник. Париж, «Оплешник», 1954, с. 9. Свои «сны» Ремизов записывал также в указанную выше тетрадь «Сприно», включались они и в его произведения.

⁴¹ Тырло — «стойло, притон, приют для скота» (Даль В. Толковый словарь, т. 4. М., 1935, с. 459).

людей, о которых он помнил и думал. Героями «снов» Ремизова, например, являлись Ф. М. Достоевский, М. Горький, А. В. Луначарский, А. А. Блок, Н. К. Рерих, М. М. Пришвин, П. Е. Щеголев, Е. И. Замятин, В. В. Розанов, Д. С. Мережковский, З. Н. Гиппиус, А. Белый, Л. Шестов, М. И. Цветаева, И. А. Бунин, Г. И. Иванов, Р. В. Иванов-Разумник, Н. В. Резникова и др.

Из лиц, упомянутых во втором «графическом дневнике» (20 октября 1939—19 апреля 1940 г.), назовем Ф. И. Шаляпина, В. Я. Брюсова, Ф. Сологуба, М. А. Кузмина, Н. А. Оцуца.

На титульном листе третьего «графического дневника» (20 апреля—11 августа 1940 г.) Ремизов сделал надпись, свидетельствующую об условиях жизни в оккупированном нацистами Париже: «Вынужден был прекратить: под грозой обыска. Имена, хотя бы и приснившиеся, — отвечают». 3 июня 1940 г. на одном из вклеенных рисунков Ремизов записал: «В соседний дом упала бомба, и ударило в стену около моего окна». Писатель был ранен осколками выбитых оконных стекол.

Характерно, что через «графические дневники» проходит один и тот же многозначительный «сон» — возвращение писателя на Родину.

5

В архиве хранится небольшое количество писем Ремизова, переданных после смерти писателя в Пушкинский Дом: Б. Б. Бунич-Ремизову (1946), В. П. Вельтер 3 (1948—1952), В. П. Никитину 9 (1948—1956), Л. Н. Либшютц. В письме от 14 декабря 1946 г. к внуку, сыну дочери писателя, умершей в 1943 г., Ремизов просит подробно написать о ее похоронах. Письма к В. П. Вельтер и В. П. Никитину носят в основном бытовой характер. В письме к Никитину от 14 января 1949 г. Ремизов делится раздумьями о названии своей будущей книги: «Все думаю, как назвать Стефанита и Ихнелата? А если „Звериная комедия“? Сколько ночей я продумал о этих зверях человеческих».

Среди корреспондентов Ремизова (их около 300) много писателей, поэтов, литературоведов, критиков и публицистов. В архиве хранятся письма: Ю. К. Балтрушайтиса 2 (1913), К. Д. Бальмонта (1913), Ф. Д. Батюшкова (1913), А. Белого (псевд. Б. Н. Бугаева) 3 (<1913>—1917), А. А. Блока 5 (1913, 1918),⁴² В. В. Бородаевского 5 (1916), Ю. Н. Верховского 7 (1913—1916), В. Г. Геймана 9 (1913), М. О. Гершензона 8 (1913—1918), Вл. В. Гишпиуса (1915), З. Н. Гиппиус (1918), В. Н. Гордина 5 (1915—1917), С. М. Городецкого 2 (1913), М. Л. Гофмана (1918), Л. Я. Гуревич 2 (1913), С. А. Есенина (1915),⁴³

⁴² Четыре письма Блока (1913) опубликованы Ц. Вольпе, см.: Звезда, 1930, № 5, с. 161—163.

⁴³ Письмо от 24 апреля 1915 г. опубликовано, см.: Есенин С. Собр. соч., т. 5. М., 1968, с. 55—56.

Рисунок А. М. Ремизова «Комета» (для гадальных карт).

Е. И. Замятина 6 (1915—1918), Р. В. Иванова-Разумника 33 (1913—1919), А. А. Измайлова 12 (1913—1916), Н. А. Ключева 2 (1915, б. д.), А. А. Кондратьева 6 (1913—1915), А. Е. Кручных 2 (1917), Д. А. Крючкова 7 (1915—1916), А. И. Куприна (1918), Е. Г. Лундберга 49 (1913—1918), В. Л. Львова-Рогачевского 6 (1919), Е. А. Ляпкого 2 (1913), А. Мазона 2 (1913), В. И. Нарбута 7 (1918—1919), И. А. Новикова 8 (1916—1917), С. П. Постникова (1914), М. М. Пришвина 5 (1913—1918), С. Л. Рафаловича (1913), П. С. Романова 8 (1916), И. С. Рукавишника 21 (1915—1919), Б. А. Садовского 13 (1913—1915), С. С. Семенова (псевд. — Волжский) 16 (1915—1917), С. А. Соколова (псевд. — С. Кречетов) 2 (1913), И. С. Соколова-Микитова 48 (1913—1919), Ф. Сологуба (псевд. Ф. К. Тетерникова) 3 (1915—1917), П. Б. Струве 3 (1913), А. И. Тинякова (псевд. — Одинокий) 31 (1913—1917), А. Н. Толстого 4 (1916, б. д.),⁴⁴ В. Н. Унковского 29 (1915—1919), В. Н. Фигнер 3 (1917), Д. В. Философова 11 (1914—1918), И. М. Шапиро 3 (1913—1914), А. А. Шахматова (1914), Л. И. Шварцмана (псевд. — Л. Шестов) 30 (1913—1919), В. Я. Шипшова 22 (1913—1917),⁴⁵ И. И. Ясинского 2 (<1916>) и др.

Письма эти, относящиеся к 1910-м годам, когда Ремизов был уже признанным писателем, носят в основном деловой характер. Собратья по перу приглашают Ремизова в различные издания, сообщают сведения о размерах гонорара, просят содействовать в напечатании рукописей и т. д.

Приведем выдержки из некоторых таких писем. К. Д. Бальмонт, в 1913 г. вернувшийся из эмиграции в Россию, по финансовым соображениям решил расторгнуть с издательством «Скорпион» договор на переиздание своих книг.⁴⁶ Зная, что Ремизов близок к издательству «Сирин», поэт обратился к нему 28 мая 1913 г. со следующим предложением: «Я отказал Полякову в переиздании разошедшихся книг и был бы очень расположен уступить их „Сирину“, если и „Сирин“ расположен к тому же. Кажется, Вы свой человек в этой фирме. Быть может, Вы бы затеяли там соответствующий разговор? Не умею сказать, как я был бы Вам признателен. Я был бы расположен уступить „Сирину“ все свои „оригинальные“ книги (стихи и проза)». Издательство «Сирин» просуществовало недолго, и замысел этот не был реализован.

Во второй половине 1913 г. владелец символистского издательства «Гриф» и составитель одноименных альманахов (1903, 1904, 1905) поэт С. А. Соколов (Сергей Кречетов) задумал изда-

⁴⁴ В архиве хранятся фотокопии писем А. Н. Толстого; оригиналы в 1947 г. были переданы в Институт мировой литературы им. М. Горького.

⁴⁵ 11 писем В. Я. Шипшова к Ремизову с пропусками, неточностями и искажениями в текстах опубликованы Н. Яновским, см.: Енисей, 1974, № 5, в.

⁴⁶ См. его письмо к владельцу «Скорпиона» С. А. Полякову от 6 апреля 1913 г. (ИРЛИ, ф. 240, оп. 1, № 43).

ние юбилейного сборника по случаю десятилетней годовщины издательства. С предложением участвовать в альманахе он обратился ко многим соратникам по литературному движению. 4 сентября 1913 г. он писал Ремизову: «Ввиду исполнившегося десятилетия „Грифа“ задумал я издать юбилейный Альманах Грифа (903—913). Участвовать будут *только* лица, печатавшиеся или издававшиеся в „Грифѣ“. Ваши вещи были напечатаны в одном из Альманахов.⁴⁷ Потому решаю просить Вас пожертвовать на Грифский алтарь какую-либо вещь Вашу, хотя бы небольшую, а равно прислать фотографию Вашу. Альманах будет издан с портретами авторов, в ограниченном количестве экземпляров». Участники получат издание на особой бумаге. Выпустить думаю в октябре, иначе слетит смысл юбилейности. Потому пришлите поскорее. Очень надеюсь, что не откажете по старому дружеству». Писатель откликнулся на эту просьбу.⁴⁸

25 января 1919 г. к Ремизову обратился поэт И. С. Рукавишников, работавший в Наркомпросе под руководством А. В. Луначарского: «Собираем рукописи для „Сборника Дворца искусств“. Дали уже: И. Новиков, Вяч. Иванов, К. Большаков, Р. Ивнев, Мандельштам, П. Орешин, В. Шершеневич, Пяст, Н. Крашенинников. Пополняется быстро. Пришлете? Просим очень <...> О „Дворце искусств“ хочется поговорить. Да долго. При встрече с А. В. Луначарским расспросите». Сборник «Дворца искусств» при Наркомпросе в свет не вышел, но письмо косвенно подтверждает наличие связей Ремизова с Луначарским в первые послереволюционные годы.

Выше шла речь о не опубликованной полностью повести Ремизова «Ров львиный» («Плачужная канава»). Из письма В. Л. Львова-Рогачевского от 1 сентября 1919 г. выясняется, что ее предполагалось напечатать в «Книгоиздательстве писателей в Москве»: «...книга Ваша „Ров львиный“ включена в список книг, назначенных к печатанию в первую очередь, и редакция ждет ее получения с большим нетерпением».

Любопытны суждения писателей о книгах Ремизова. Так, Андрей Белый во второй половине апреля 1913 г. сообщил Ремизову о своем впечатлении от сборника повестей и рассказов «Подорожие»: «Книгу Вашу прочел, — не прочел, а проглотил. „Пятую казнь“⁴⁹ еще никогда не читал. Она меня глубоко потрясла. Как открыл, так и не мог оторваться. Это — что-то колоссальное, чем гордиться может наше десятилетие литературы».

⁴⁷ Стихотворения в прозе «Молитва», «Последний час» и рассказ «Иван-Купал» в кн.: Альманах «Гриф». М., 1904, с. 39—46.

⁴⁸ В «Альманахе „Гриф“. 1903—1913» (М., «Гриф», 1914) были опубликованы портрет писателя и притча «Ремез-птица», посвященная С. А. Соколову (Кречетову).

⁴⁹ Описка А. Белого: речь идет о повести «Пятая язва» (Ремизов А. Подорожие. СПб., «Сирин», 1913, с. 45—156).

В. Н. Унковский, которому Ремизов оказывал покровительство, писал ему 21 апреля 1915 г. из действующей армии: «Народные сказки „Докука и балагурье“⁵⁰ — ценный вклад в историю русской литературы. Конечно, по-видимому, — это первый том будущего Вашего большого труда. Мы знаем „Русские пословицы“, собранные В. И. Далем, — в будущем будем знать „Народные сказки“, собранные и обработанные А. Ремизовым».⁵¹

В архиве хранятся две тетради с вклеенными газетными и журнальными вырезками, озаглавленные «Сказки нерусские» (1914—1922 и б. д.). В них Ремизов собрал публикации своих обработок «негритянских», «подкарпатских», «кабилских», «тибетских», «сибирских» и «кавказских» народных сказок. Тетради украшены рисунками писателя.

Как уже говорилось, своеобразная стилистическая манера Ремизова оказывала воздействие на творчество других авторов. По этому поводу П. С. Романов писал 5 мая 1916 г.: «Камень самоцветный — язык Ваш! И сборник вышел прекрасный».⁵² Но не нравится мне появление Ваших наследников. Как они ни хороши, а ведь это дармоеды, — на чужой шее едут, разбойники. Вы свой язык своей жизнью выработали, а они его — пожалуйста — цап-царап! На готовое сели и расписывают».

В письме начинающего литературоведа И. М. Шапиро от 1 декабря 1913 г. проводится на первый взгляд парадоксальное сопоставление творчества Метерлинка и Ремизова: «... мне очень ценно было бы узнать Вашу биографию и сферу, в которой Вы росли, в связи со статьей „Maeterlinck и Вы“ <...> Если Maeterlinck вызвал у Вас некоторые произведения, мысли, то не потому, что он повлиял на Вас, но только потому, что он вскрыл то, что было скрыто в Вас, спрятано; он обнаружил в Вас богатства, залежи, не замеченные Вами <...> Я хочу сказать, что Вы и Maeterlinck в известном смысле люди одного, родственного склада». Ремизов действительно в молодости не только испытал влияние творчества бельгийского драматурга, но и переводил его на русский язык.

Остановимся особо на письмах М. М. Пришвина, В. Я. Шипкова и И. С. Соколова-Микитова — писателей, чье зрелое творчество приходится уже на советские годы. Их связывали с Реми-

⁵⁰ Ремизов А. Докука и балагурье. Русские сказки. СПб., «Сирин», 1914.

⁵¹ Сходную мысль высказал 25 июля 1915 г. книгоиздатель К. Ф. Некрасов: «Мне кажется, было бы хорошо выпустить большой том: *Русские народные сказки в обработке А. Ремизова* или рассказанные Ремизовым — это не важно сейчас. Не удивительно ли? Ведь у нас так и нет хорошей обработки сказок для детей». Эта идея позднее была воплощена писателем в жизнь (*Сказки русского народа, сказанные Алексеем Ремизовым*. Берлин—Пб.—М., изд. З. И. Гржебина, 1923). Однако книга предначалась для взрослого читателя.

⁵² Имеется в виду книга: Ремизов А. Укрепя. Слово к русской земле о земле родной, тайностях земных и судьбе. Пг., 1916.

зовым дружеские отношения, они ценили его как художника и человека. В письме от 6 октября 1913 г. Пришвин восклицает, что Ремизов «первый и единственный» из писателей, встретивший его «в литературе душой». В. Я. Шишков 12 апреля 1913 г., намеренно подражая ремизовской манере («Эх, негу крыльев — прилетел бы к Вам, хоть бы птичкой обернуться, да прилететь побеседовать бы с Вами, посидеть хорошо у Вас»), признается в искренней любви к писателю: «Перечитываю Ваши творения и все удивляюсь глубине Вашего ума и мудрости: десять талантов дано Вам, путь тяжелый, дай бог донести. Вам, знаю, неприятны эти мои восторги, но не могу утерпеть».

Значительную роль сыграл Ремизов в жизни И. С. Соколова-Микитова. Он опекал молодого писателя, способствовал опубликованию его первых сказок и рассказов. Из письма от 11 августа 1915 г. явствует, что Ремизов иногда даже правил рукописи вступающего в литературу автора: «Похоже, как Вы исправляли мое писание, — и Ваши поправки для *жизни моей* — также накрепко запомнились». Соколов-Микитов благодарит Ремизова за помощь в работе. Многие его письма (в особенности с театра военных действий) носят исповедальный характер, что лишний раз свидетельствует о сердечной близости писателей.

В числе корреспондентов Ремизова — заметные фигуры художественного, театрального и музыкального мира. Сохранились письма И. Я. Билибина (<1913>), А. М. Гидони (1915), Н. С. Гончаровой (<1916>), А. П. Зонова 19 (1914—1919), В. Ф. Комиссаржевской 5 (1908—1909), Е. С. Кругликовой 2 (1915, 1917), М. В. Матюшина (1913), Д. И. Митрохина 2 (1919), Н. К. Рериха 2 (1913, 1915),⁵³ А. А. Санина (псевд. А. А. Шенберга) (1918), В. А. Сенилова (<1913>), К. А. Сомова (1913), К. С. Стапиславского (1912), М. М. Фокина 2 (1915) и др.

Почти все письма деловые. Например, Н. С. Гончарова дает согласие иллюстрировать «цареградские сказания» Ремизова, Е. С. Кругликова приглашает участвовать в сборнике «Париж перед войной», М. Фокин предлагает «отдать» композитору М. О. Штейнбергу сюжет для балета на тему ремизовского «русального действия» «Алалей и Лейла», и т. д.

Отдельные письма позволяют установить точки соприкосновения творчества Ремизова с другими видами искусства. Так, композитор В. А. Сенилов (1875—1918) в письме от 10 марта 1913 г. сообщает о завершении работы над оперой «Георгий Храбрый», созданной по мотивам драматургического произведения Ремизова: «На днях у меня собрались товарищи композиторы с целью ознакомиться с партитурой „Георгия Храброго“. На фортепиано играл

⁵³ О взаимоотношениях Рериха и Ремизова, а также текст письма художника к писателю от 11 декабря 1915 г. см. в кн.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского Дома на 1974 год. Л., 1976, с. 196—199.

Черепнин,⁵⁴ и очень хорошо, в надлежащих темпах; мы прочие подпевали разными невозможными голосами, так что не на музыкального человека могло бы произвести ошеломляющее впечатление <...> Черепнин очень дельно рассказал свои впечатления. Больше всего ему понравился финал, конец 3-го действия и все 2-е действие. О постановке финала он говорит, что на сцене можно придумать очень величественное шествие. Теперь Черепнин и другие мои товарищи будут ловить Глазунова, чтобы он назначил мне день и чтобы можно было прийти к нему и проиграть ему всю оперу уже с певцами. Если это выгорит и Глазунов будет „за“, то наше дело в шляпе и в оперном комитете задержки не выйдет». К сожалению, эта опера (как, впрочем, и другие опыты композитора в оперном жанре) не увидела сцены.

Режиссер А. А. Санин в письме от 21 августа 1918 г. приглашал Ремизова принять участие в работе киностудии «Русь»: «У меня глубокое убеждение, дорогой Алексей Михайлович, что Вы можете в какой-то исключительно характерной, „ремизовской форме“ дать для кино что-то интересное, живое, значительное. Для нас это было бы настоящей художественной радостью и удовлетворением». Сведениями о деятельности Ремизова-кинорежиссера мы не располагаем.

Внимание интересующихся историей русского театра начала XX в. привлекут письма актера Аркадия Зюнова. Они содержат сведения о деятельности Камерного театра, Театра им. В. Ф. Комиссаржевской, театральной студии Ф. Ф. Комиссаржевского. В литературе ошибочно утверждалось, что пьеса Ремизова «Проклятый принц» («Трагедия о Иуде принце Искаротском») поставлена не была.⁵⁵ В письмах за январь—февраль 1916 г. приведены многочисленные подробности о постановке и премьере этой пьесы в Театре им. В. Ф. Комиссаржевской.⁵⁶

Из письма Н. Бутковской от 4 июля 1913 г. выясняется немаловажный эпизод в творческой дружбе Ремизова и Рериха. Писатель собирался написать о художнике книгу. Бутковская сообщила: «...я переговорила с Н. К. Рерихом лично. Книга, как и Вы хотели, будет представлять из себя ряд Ваших впечатлений, причем Николай Константинович дал мне список групп, приблизительно им намеченных:

Колдовство.

Песнь о викинге.

Архитектура (Проект Храма).

⁵⁴ Черепнин Николай Николаевич (1873—1945) — композитор и дирижер.

⁵⁵ См., например: Полякова Е. А. Николай Рерих. М., 1973, с. 155.

⁵⁶ В архиве Ремизова хранятся документы по истории театра: «Положение о репертуарной секции при Театральном отделе Народного комиссариата по просвещению», «Воззвание» репертуарной секции ТЕО Наркомпроса, положение о журнале «Вопросы театра».

Театральные работы.

Иконы.

Художественная промышленность».

Славяне и варяги.

Разумеется, Вы совершенно свободны в Вашем личном выборе тем для Ваших впечатлений и можете изменить или прибавить к этому перечню».

Историк предреволюционной периодической печати и издательского дела в России найдет для себя в архиве писателя интересные материалы. Здесь хранятся письма редакторов газет и журналов, журналистов, издательских и редакционных работников: С. Абрамова 3 (1919), В. А. Азова (1913), Н. Архипова (1913), Н. С. Ашукина (1915), М. Блоха (1915), А. Борисяка 3 (1918), М. Бялковского 6 (1915—1917), В. Волкович и З. Столицы 2 (1916), Г. Гошикберга 2 (1916), В. Н. Гордина 5 (1915), Г. Городецкого (1916), З. И. Гржебина 9 (1914—1917), А. Громова 2 (1914), И. Гунна 3 (1912—1913), М. Дориомедова (1914), М. Долотова (1916), Е. Драшусова (1918), П. Н. Зайцева 5 (1918—1919). С. Исакова 2 (1914—1915), Н. П. Киселева (1915), С. Ю. Копельмана (1915), Г. Лебедева 3 (1918), В. Левитского 2 (1915—1916), С. Линцера 3 (1916), А. Лукьянова 2 (1919), Д. Марьянова (1916), А. Морского (1916), К. Ф. Некрасова 3 (1915), В. В. Пашуканиса (1915), О. Персиц 7 (1913—1914), С. Познера 3 (1916), И. Рабиновича 4 (1919), В. Регина 2 (1915—1916), И. Розена (1918), А. В. Руманова 3 (1913—1914), М. В. Сабашникова 3 (1916—1918), В. И. Семейского (1915), М. И. Терещенко 2 (б. д., 1917), В. Турбина 2 (1916), Е. Харитоновна (1916), С. Чацкиной 4 (1914), С. Штрайх (1913) и др.

Ремизов, как и другие известные писатели, получал письма от рядовых читателей. Прочитируем отрывок из письма (без даты) провинциального журналиста из приволжского городка Вольска Н. М. Сутырина, шлющего Ремизову «горячее русское спасибо за те часы скорби, и гнева, и тихих молитв за униженных и оскорбленных», которые пробуждаются его книгами. «Но это, — пишет Сутырин далее, — относится к Вам, к Е. Н. Чирикову, В. Г. Короленко, Бунину, Шмелеву, Горькому, а других современных мастеров литературного цеха я имею дерзость не признавать. Бог с этими Арцыбашевыми, Борисами Лазаревскими, с личностями без лиц». Примечательно, что читатель ставит Ремизова в один ряд с писателями реалистическо-демократического направления.

Архив включает также письма к Ремизову родственников, друзей и знакомых: В. М. Ремизова 18 (1915—1918), С. М. Ремизова 52 (1913—1919), В. М. Доброpravова 12 (1913—1919), Л. М. Доброpravова 8 (1913—1915), И. В. Жилкина 3 (1916—1917), О. Е. Колбасиной 3 (1919), И. Д. Преображенского 3 (1913—1914), И. А. Рязановского 23 (1912—1919), Ф. И. Щеколдина 38 (1915—1917) и др.

Из биографических материалов наибольшую ценность представляет автобиография Ремизова (1913). Упомянем также фотокопию нескольких страниц книги «Обзоры важнейших дознаний, производившихся в жандармских управлениях за 1898 и 1899 гг.», на которых идет речь о нелегальной работе Ремизова в период пензенской ссылки.

Для изучения биографии писателя важны дневниковые записи его друга В. П. Никитина («Remezoviana»), изю дня в день фиксировавшего содержание бесед с Ремизовым. В архиве хранятся записи за 1954, 1956 и 1957 гг. В. П. Никитину принадлежат также воспоминания «Кукушкина» (по названию комнаты в квартире писателя, где «находились часы с гирями и кукушкой», самодельные игрушки, книги и рукописи Ремизова), которые изобилуют сведениями о быте писателя и его окружении в 1940—1950-х годах (упоминаются Б. К. Зайцев, И. А. Бунин, С. К. Маковский и др.).

В архиве представлены личные документы писателя и материалы, связанные с его работой в советских учреждениях. Это удостоверения личности, медицинские свидетельства, воинские документы, удостоверения от Театрального отдела Наркомпроса, членские билеты различных творческих организаций, денежные документы и т. д.

В течение всей жизни Ремизов собирал газетные вырезки, наклеивая их на листы бумаги и складывая в папки. В архиве сохранились вырезки за 1913—1916 гг., содержащие хронику литературных и общественных событий, интересовавших писателя. Каждую папку он сопровождал особым листом с помесечной росписью своих петроградских адресов, мест и времени поездок по России и за границу, что важно для уточнения отдельных моментов биографии Ремизова. Помимо уже указанных, в архиве хранятся газетные вырезки с заметками Ремизова 1947—1954 гг. о И. А. Бунине, Н. В. Гоголе, Н. Н. Евреинове, Н. В. Кодрянской и др., а также газетные вырезки со статьями о творчестве самого Ремизова (на русском и французском языках) за 1949—1958 гг.

В. П. Никитин передал в архив составленную им библиографию переводов произведений Ремизова на немецкий, английский и французский языки, а Н. В. Кодрянская — подготовленные ею полный список книг писателя и библиографию «Рассказы Ремизова в французских журналах».

Ряд документов связан с кончиной Ремизова: копии писем В. П. Никитина, Н. В. Резниковой, А. Г. Савченко к В. И. Малышеву о последних днях жизни и похоронах писателя и др. В архиве имеются и письма разных лиц, содержащие сведения о Ремизове: И. С. Шмелева к В. П. Никитину (1946), В. П. Никитина к Э. Ло Гатто (1953) и Н. В. Резниковой (1954), Н. В. Резниковой к В. П. Никитину 4 (1954—1955).

Иконография представлена фотографическими портретами Ремизова 2 (1898, б. д.) и тетрадью с наклеенными писателем собственными фотопортретами — 55 (1923—1953).

Архив включает письма к С. П. Ремизовой-Довгелло, написанные Н. С. Бутовой (1915), А. Слепушкина (1917), Ф. И. Щеколдина 2 (1916), а также биографические материалы С. П. Ремизовой-Довгелло, переданные ее внуком Б. Б. Бунич-Ремизовым: машинопись «Из воспоминаний о семье С. П. Ремизовой-Довгелло»,⁵⁷ служащая комментарием к романам Ремизова «Оля» и «В розовом блеске»; «Перечень членов семьи С. П. Ремизовой-Довгелло — прототипов основных действующих лиц в автобиографических произведениях А. М. Ремизова»; фотографические портреты родственников жены писателя (7), фотографии его дочери Н. А. Ремизовой (2).

⁵⁷ Таково истинное написание ее родовой фамилии.